

Абузар БАГИРОВ,
 писатель, доктор филологии, доцент
 Университета МГИМО МИД РФ

МАСТЕР ГРУСТНОЙ ЛИРИКИ

Молла Вели Видади

Древневосточные мудрецы связывали формулу бытия человечества с божественным промыслом: Всевышний, создавая людей, закладывает в каждого какой-то позитивный или негативный духовный стержень, предопределяет судьбу, возлагает конкретную миссию, начертая на небесных скрижалях точную дату ухода в мир иной и храня её в глубокой тайне. Со времён Адама каждый из нас, родившись на этот свет, растёт, ищет, находит, теряет, добивается, поднимается, падает – словом, живёт полноценной человеческой жизнью, ничего не ведая об отпущенном ему сроке. Может быть, это неведение и есть одна из самых сокровенных загадок мироздания? А может быть, в этом проявление милосердия Создателя к своим подданным?! Ведь понятно, что разгадка тайны

Судного дня привела бы к таким катастрофическим последствиям, что ввергла бы миропорядок в невероятный хаос...

Одна из блестящих фигур азербайджанской классической поэзии – Молла Вели Видади, не думая об отпущенном себе сроке, прожил долгую и яркую жизнь, наполненную и радостными и горестными событиями.

Видади родился в 1709 году в Шамкире. В раннем детстве его семья переехала в село Шыхлы недалеко от соседнего города Газах. Учась в медресе, Молла Вели в совершенстве изучил арабский и персидский языки, самостоятельно освоил грузинский язык, близко ознакомился с азербайджанской и восточной классической поэзией, народным фольклором, приобщился к теории стихосложения и поэтики. С юных лет он начал писать стихи в классическом жанре: *газели, касыды, мусаддасы, мухаммасы, мустазды*; из жанров устного народного творчества слагал *гошма, герайлы, баяты* под поэтическим псевдонимом «Видади», который на арабском языке означает «любящий».

Видади близко дружил с прославленным поэтом, визирем Карабахского ханства **Моллой Панахом Вагифом** (1717-1797), грузинским царём **Ираклием II** (1720-1798) и правителем Шекинского ханства **Гусейном** (годы правления 1759-1780), писавшим талантливые стихи под псевдонимом «Муштаг».

К сожалению, в большинстве литературоведческих трудов ошибочно утверждается, что Видади якобы некоторое время служил при дворе Карабахского хана, а позднее и при дворе грузинского царя. Но из достоверных исторических источников мы знаем, что **Видади никогда придворным не был и всю жизнь прожил в родных местах**. Эта досадная ошибка произошла в силу того, что авторы некоторых трудов перепутали имена Моллы Вели Видади и придворного

карабахского хана Мирзы Вели Бахарлы Видади.

Нужно заметить, что **дружба Видади с Вагифом началась в юности в Газахе, продолжалась всю жизнь и даже переросла в родство**: две дочери Вагифа вышли замуж за сыновей Видади. А с грузинским царём Ираклием II его связывали многолетние тёплые отношения, и это способствовало дружественным связям между Грузией и Карабахским ханством.

Последние годы жизни Видади были омрачены тяжёлыми утратами. В расцвете сил ушёл из жизни один из его сыновей; пал жертвой придворных распрей и был казнён в городе Шуше его старый друг, великий поэт Вагиф; трагически погиб в неравном бою правитель Шекинского ханства, его близкий друг и добродетель Гусейн хан. Все эти удары судьбы, несомненно, оставили незаживающие раны в душе старого поэта.

Мастер грустной классической лирики азербайджанской поэзии Видади умер в 1809 году и обрёл последнее пристанище в живописном урочище Гелингая у села Шыхлы, на берегу реки Куры. Могила поэта с выразительным надгробным памятником и поныне служит местом паломничества любителей наследия этого великого лирика, излучающей доброту, искренность и красоту.

Молла Вели Видади - тонкий, проникновенный лирик, и его поэтические исповеди окрашены грустью. Такая **минорная тональность сопутствует всем стихам, будь то традиционные мотивы любви, социальная тема или же поэтические сентенции**. В его лиризме, проникнутом печалью, заключена трогательная искренность, доверительность и исповедальность. Лирические герои Видади – стойкие мученики, они с радостью принимают испытания любви, пронизанные непреходящей грустью и душевными переживаниями.

Социальное содержание его лирических стихотворений проникнуто неприятием несправедливости, произвола и насилия. Это не просто случайный или выдуманный поэтический приём, а жизненная позиция великого поэта, ибо ему на своём долгом веку пришлось быть свидетелем множества кровавых распрей, социальных потрясений и личных утрат. Именно здесь и кроются корни тревожного духа и печального настроения его лирики.

Мотив **одинокости и отчуждённости** красной нитью проходит через всё творчество поэта;

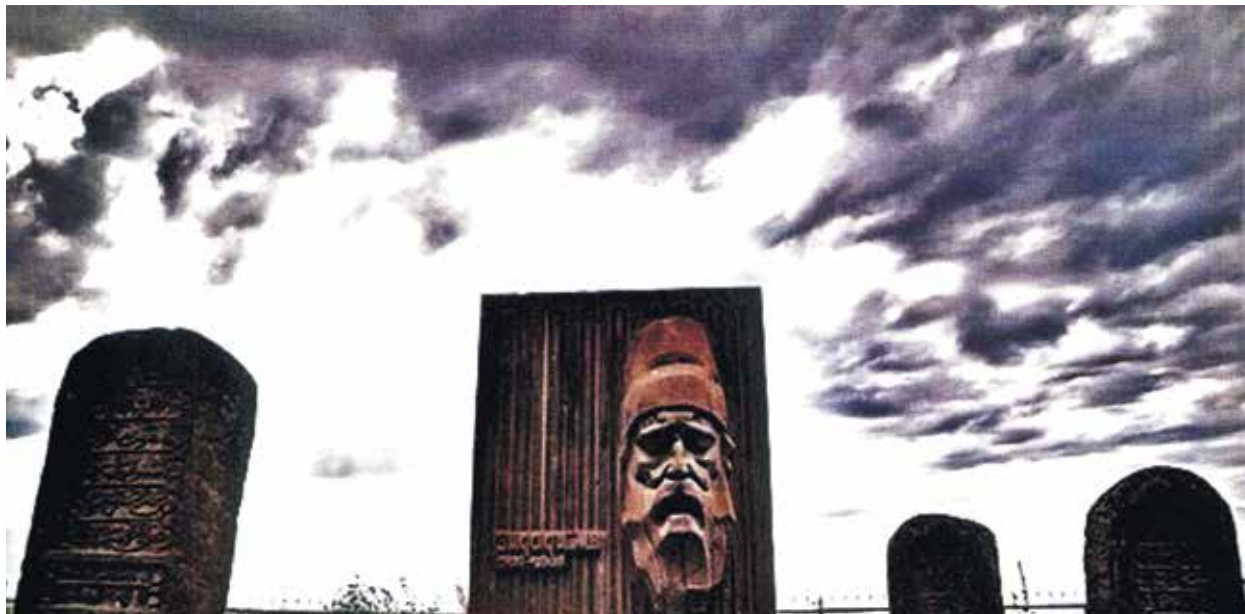
речь идёт о душевном одиночестве, об ощущении родины как духовной «чужбины». Смутные времена для родного Азербайджана, раздробленного на множество ханств, которые вели междоусобные войны, глубоко печалили старого поэта. **«Му-сибетнаме»** – «Книга мытарств» Видади, посвящённая гибели друга поэта Гусейн хана Муштага, павшего жертвой борьбы за власть, – своего рода зеркало той сложной и противоречивой эпохи, красноречивый аргумент для понимания социального подтекста мотивов печали и скорби в творчестве автора.

В дидактических стихах Видади также отражается дух времени, проскальзывают личные впечатления о реальных событиях. **Мудрая печаль – так лаконично можно охарактеризовать общий дух творчества поэта**. Конечно, не вся поэзия Видади проникнута минорными нотами; поэт, как любой человек, знал и светлые минуты радости, поэтому порой и в его лире проскальзывают мажорные тона. Подтверждением этому может служить немало превосходных поэтических образцов в форме «мустазад». Увы, судя по дошедшим до нас его произведениям, такие радостные аккорды в творчестве поэта носят эпизодический характер.

Последние годы жизни поэт в своих стихах разных жанров выражал главным образом философские размышления и суждения о мире, бытие, жизни и смерти. На закате дней великий поэт окончательно пришёл к выводу о несовершенстве мира, о бренности всего сущего – красоты, славы, радости, печали... Иногда Видади впадал в отчаяние, стремясь отстраниться от суеты этого мира, в котором самый драгоценный жемчуг не более чем прах. Но даже такие безысходные ноты в творчестве Видади не умаляют философской

Памятник Видади и Вагифу. Город Хачмаз

Надгробный памятник Мола Вели Видади в с.Шыхлы в Газахе

значимости его поэзии, не принижают **напряженных духовных исканий поэта, которого на протяжении всей жизни занимали проблемы назначения человека на земле, бытия и небытия, жизни и смерти.** В целом творческое наследие замечательного мастера печальной лирики, многострадального и мудрого старца через столетия побуждает потомков вдуматься в эти извечные вопросы, искать и находить свои ответы на них.

Изучение, сбор и публикация творческого наследия М.В.Видади начались со второй половины XIX века. В этой связи необходимо упомянуть имена таких видных азербайджанских учёных литературоведов, как Мирза Юсиф Карабаги, Гусейн Гаибов, Фирудин бек Кочарли, Салман Мумтаз, академик Гамид Араслы, академик Азаде Рустамова, профессор Мирзаага Гулузаде, профессор Араз Дадашзаде.

Поэзия Видади, несомненно, относится к числу наиболее высоких и значительных образцов азербайджанской классической литературы. Его бессмертная поэзия, созданная на чистейшем азербайджанском языке, будет доставлять наслаждение грядущим поколениям ещё не одно столетие. ✨

Литература

1. Ərəb və fars sözləri lüğəti. Redaksiya heyəti: B.T.Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani, məsul

redaktoru Y.Z.Şirvani. Bakı, 1967, 1036 s.

2. Vidadi. Əsərləri. Bakı, 1977, 106 s.

3. Мысли и афоризмы. Баку, 1982, 248 с.

4. Караев Я. Этапы азербайджанского реализма. Баку, 1983, 286 с.

5. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б.Набиева и Т.Керимли. Баку, 2005, 453 с.

6. Человек – Искусство – Общество. Закон целого. К юбилею профессора Ю.Б.Борева. Москва, 2006, 382 с.

7. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, 6 cildə. Cild III. Bakı, 2009, 736 s.

8. Ценнее золота. Фольклор и литературные памятники Азербайджана. Москва, 2010, 646 с.

9. Борева Ю. Энциклопедия эстетики. Теория литературы и теория искусства. Москва. 2015, 783 с.

Molla Vali Vidadi (1709-1809) is a subtle and soulful lyric, and his poetic confessions are painted with sadness. This melancholic tonality accompanies all his poems, whether it is traditional motifs of love, the social theme or poetic maxims. In his lyricism permeated with grief lies touching sincerity, confidence and confession. ... The motif of loneliness and alienation runs through all the works of the poet ... Wise sadness – this is how succinctly the general spirit of the poet can be described.

ГАЗЕЛИ

Умирать

Мы жить не можем, смерть поправ, – как тяжко умирать!

На жизнь имея столько прав, как тяжко умирать!

Огонь любви в моей крови, тебя желаю я.
Мечтанья о тебе прервав, как тяжко умирать!

Мой взор ещё не опустел, ведь он тебя встречал.
Тебя опять не увидав, как тяжко умирать!

Готов смеяться мой язык и голос щебетать.
Высоко голову подняв, как тяжко умирать!

Пусть страдает тот, кто знал, жалеет, кто не знал.
Свою хвалу тебе послав, как тяжко умирать!

Стрелой пронзённый прямо в грудь,
бесцельно я бегу.
Мой след неровен и кровав...
Как тяжко умирать!

Подруги сердца моего со мною нету здесь.
Душевных тайн не рассказав, как тяжко умирать!

Я разучился говорить, и силы нет в руках.
Недолюбив, недострадав, как тяжко умирать!

Без крова, на чужой земле, вдали от мест родных,
Страданий всех не описав, как тяжко умирать!

Ты, Видади, имел детей, красивых, молодых!
Их всех по свету растеряв, как тяжко умирать!

Я

Всевышний, взор не отвращай, пускай безумен я,
Я узник сердца, от любви теперь безумен я.

Нелепы все мои дела, утратил разум я,
Но я не трус, за честь любви восстану разом я.

От жизни милой жизнь свою не отрываю я,
Я жертва глаз её и губ, и к ней взываю я.

Хоть не поклонник винных чаш и пылких сборищ
я,

Зато властитель той страны, где грусть и горечь,
я.

Я славу мимо пропустил, её не жажду я,
Своей печалью утолить сумею жажду я.

Первое письмо Вагифу

Каждое утро веет зефир, ищет любимую на заре,
Порою касается он ветвей, порою мокрых
роз в серебре.

Скверная пища вязнет в зубах, в горло не хочет
она идти.

Время проносится мимо тех, кто не стоит
на его пути.

Напрасно в бархатной тьме горит маленький,
нежный огонь свечи,
Может любимой коснуться он и озарить её
стан в ночи.

В беседе с ничтожным тратишь слова, напрасной
становится речь твоя.

С мудрым беседуй – хаганских богатств стоят
одежды его края.

Я на арене бед обращу голову в круглый,
кровавый мяч,
Пустит её по чужим рукам, в свальную яму
бросит палач.

Смерть за достойного – славная смерть,
великой жизни она равна,
Жизнь пожертвуй за душу ту, тысяча душ
которой цена.

Пусть Видади немощен, стар, дряхл,
морщинист и некрасив,
Но всё же он стоит сотен таких пламенных
юношей, как Вагиф.

Перевод Константина Симонова

Как страшно умирать

О жизнь, о молодость, продлись,
как страшно умирать.
Когда надежды не сбылись, как страшно умирать.

Ещё все мысли и мечты желания полны,
Шепчу: «Любимая, явись, как страшно умирать!»

Не наслаждался жадный взгляд цветеньем
красоты.
Припомнив локонов нарцисс, как страшно
умирать.

Ещё улыбка на устах и сладостен язык,
Всё тело - гибкий кипарис, - как страшно умирать!

Кто видел, жаждет вновь узреть,
кто не узнал – познать,
Мне, эхо, стоном отзовись, - как страшно
умирать.

Но сердце ранено стрелой, склонилась голова,
Потоки крови пролились, как страшно умирать.

Смерть на чужбине, без друзей,
без любящей руки...
О тайна, из груди не рвись, как страшно умирать.

Немеет медленно язык, всё глуше сердца стук,
Отчизна милая, приснись! Как страшно умирать!

В разлуке с малыми детьми бессильный Видади,
Пред неизбежностью склонись, как страшно
умирать!

Перевод Татьяны Стрешневой**ГОШМЫ****Сердце ждёт**

Там, где любви напрасно сердце ждёт,
Оно увянет, сгинет, пропадёт.
Но и любовь там расцвести не сможет,
Где верности и дружбы не найдёт.

Будь преданным, но каждому не верь
И душу всем не открывай, как дверь,
Товар души не выноси на рынок,
Где нет ему ценителей теперь.

Создатель, одинокого храни,
Трудны его безрадостные дни.
Он окружён заботой и печалью –
Где друга нет, там властвуют они.

Зачем нам к вечным истинам взывать,
В свои дома несчастья призывать?
Зачем от правды люди отвернулись,
Где нет причин о правде забывать?

Ликующий, ко мне направь стопы
И выслушай слова – они скупы.
Ведь даже розе иногда приятно
То место, где отсутствуют шипы.

Любви желают в мире все сердца,
И трепету, и вздохам нет конца.
Сам исцелитель Видади страдает,
Когда не видит милого лица.

Вагифу

Зачем ты так весел и счастлив, Вагиф?
А мне говоришь: что стонешь и плачешь?
Но сердце, для страсти высокой открыв,
И ты удержаться не сможешь – заплачешь.

Любовь наши очи слезами зальёт,
Сердца милосердие нам разобьёт.
Их корень душа в состраданье найдёт,
И если ты сердце имеешь – заплачешь.

Плач признаком веры должны мы считать.
Кто верит, тот может рыдать и стенать.
И если ты истину хочешь познать
До рези в глазах, до мученья – заплачешь.

Ты мальчик с пресыщенным сердцем. Оно
Желаний и жадных томлений полно
И признаков старости лишено.
Но ты постареешь, поймёшь и заплачешь.

Ты юноша с детской негой в глазах,
Ты в первых ещё пребываешь мечтах,
Недавно ты держишь дубинку в руках,
Держи её крепче, уронишь – заплачешь.

Ты можешь в груди своей тайну держать,
Без помощи сердца её уважать,
Ты можешь от всех по дорогам бежать,
Но время придёт – ты сгоришь и заплачешь.

В достатке живём по твоей доброте,
Лепёшки из проса бурчат в животе.
Ты мало что знаешь в своей простоте,
А если узнаешь – вздохнёшь и заплачешь.

Ты дал мне воды и хлебов просяных,
Кто съест их, добьётся всех целей земных.
Но будет мгновенье – все прелести их
Отравой станут. Тогда ты заплачешь.

Все те, кто уже нацепили очки,
Пусть пыжиться бросят – они старички,
Под старость всё чаще нам слышны смешки,
А ты, рассердившись на это, заплачешь.

Богатый горами, могучий Кавказ
Рождает огонь вдохновения в нас.
В собранье ты песню прослушай хоть раз,
И, в сердце пронзённый, ты горько заплачешь.

Не трогай поэзии и красоты,
Довольно стихов про сады и цветы!
Известно мне всё, чем волнуешься ты,
Ты будешь возлюбленной петь – и заплачешь.

Тебя навестит Сары Чобаноглы,
И души сольются, чисты и светлы.
Он пышности хана возносит хвалы,
Услышав его пятистишья, заплачешь.

Никто не излечит страдающих нас.
До Абубекра дойдёт ли твой глас?
А птица души улетит, и в тот час
Над телом своим бездыханным заплачешь.

Возьмёт твою душу тогда Азраил.
На мир ты помотришь – он радостен был.
Никто не прибавит несчастному сил,
Ни дочь, ни невестка. Ты горько заплачешь.

О мире загробном не думай – к чему?
Идеи твои не подходят к нему.
На страшном суде не воззав ни к кому,
От неба ответа не слыша, заплачешь.

О, если б о милости божьей ты знал!
О, если б душой благочестья искал!
О, если б Всевышний тебя приласкал!
Чего ты боишься? Зачем же ты плачешь?

В молитвах склоняюсь я каждую ночь,
Соблазны гоню я безжалостно прочь.
Молящимся должен Создатель помочь!
Ты тоже молиться начнёшь – и заплачешь.

Кто будет самым сатаной соблазнён –
Найдёт на земле лишь приятное он.
Ты будешь прелестницами окружён,
Потом они бросят тебя – и заплачешь.

Не бойся слезами залитых очей –
Ведь мы не похожи на диких зверей.
И если своих понимаешь друзей –
И ночью, и днём непременно заплачешь.

У тех, кто не ведали слёз никогда,
Нет мыслей в разлуке, печаль им чужда,
Но всё-таки вспомнишь друзей иногда
И волей-неволей немного поплачешь.

Ты кровью себя не пятнай. И в борьбе
На мир не надейся. Жесток он к тебе!
Когда он тебя не подпустит к себе,
Лягнёт, как корова телёнка – заплачешь.

Судьба, что заставила бросить дома,
Судьба, что гнала и сводила с ума,
Судьба, что была тебе словно тюрьма,
Она обо всём тебя спросит – заплачешь.

Окончатся пытки на страшном суде,
Покая от слёз не найдёшь ты нигде,
И будет тебе наказание везде,
Ты в тысячный раз неутешно заплачешь.

Я грешник большой, перед Богом дрожу,
«О Бог милосердный!» - всечасно твержу.
Ты в милость не верил, но я предскажу,
Что скоро раскаешься ты и заплачешь.

Хоть время тебе расправляет крыла,
Оно же твои разрушает дела.
Узнаешь, что жизнь через грань перешла,
И в муках своих безнадежно заплачешь.

Гасан твой водитель. Безумья недуг
Измучил его, но заблудшим он друг,
Найти ничего он не может вокруг,
Ты всё это после найдёшь и заплачешь.

Перевод Константина Симонова

Моё сердце

Не тревожь моих ран, захлебнёшься в крови,
Друг, когда бы ты знал, как болит моё сердце.

Вдалеке от отчизны, от добрых друзей
Боль разлику гнетёт и томит моё сердце.

Если сердце неверной ты отдал в залог, –
Значит, жил по-пустому, себя не берёг.
Вверх в огонь мою душу расчётливый рок.
В нём, как соты пустые, горит моё сердце.

Всё грустнее и хуже мне день ото дня, –
Грудь сжигают рыдания страшнее огня.
В путь отправилось горе, пришпорив коня –
Всё слабее и глуше стучит моё сердце.

Я не слёзы, а кровь проливаю из глаз,
Потону в той крови, что вокруг разлилась.
Если тысячи солнц воссияют сейчас,
Не разгонят тот мрак, что спит моё сердце.

Друг, отрада очей, Видади занемог.
Он покинул Отчизну, родимый порог.
Нет врача, чтоб лекарством больному помог,
Нет, того, чья любовь исцелит моё сердце.

Перевод Татьяны Стрешневой

Журавли

Ряд за рядом поднявшись к большим облакам,
Вы зачем забрались в небеса, журавли?
Ваша песня тоскливая так грустна,
Вы куда направляете путь, журавли?

Словно бусы, нанизаны ваши ряды,
Высоко в небесах вы летите, горды.
Не случилось бы с вами какой беды,
Добывайте корм как-нибудь, журавли.

Я скажу, и в словах моих правда живёт:
Вас крылатый злодей на дороге ждёт,
Злобный сокол разметет ваш перелёт,
Алой кровью окрасите грудь, журавли.

Ваша родина, ваша отчизна – Багдад,
Ваши перья – забава того, кто богат.
Ваши песни на сердце, как струны, гремят.
Вы зачем мне терзаете грудь, журавли?

Вы спросите, друзья, обо мне, больном.
Я письмо напишу дрожащим пером.
О больном Видади в свой багдадский дом
Принесите письмо как-нибудь, журавли.

Перевод Владимира Луговского

Ах!

О друг души моей! Жду не дождусь.
Как рассказать мои мученья? Ах!
Оборвалась душа. Терпенья нет.
Как долгий год – часов теченье. Ах!

Беззвучно время тянется, дразня.
Пылает тело, словно сноп огня,
Истлела сердца ржавая броня,
Оно как склеп без назначенья. Ах!

Согбенный жаждой, согнутый в дугу,
Я рваных жил своих не берегу,
Ручьями слёз по городу бегу,
Изнемогаю от влеченья. Ах!

Ни с чем любовь мою сравнить нельзя,
Приводит к смерти сладкая стезя.
О ветер! Были мы с тобой друзья,
Повей же вздохом облегченья. Ах!

Я Видади. Меня грызёт недуг.
Я понимаю всех, кто полон мук.
О родина! О милая! О друг!
О жизнь! О тьма! О заточенье! Ах!

Перевод Павла Антакольского**МУСАДДАС****Всему наступит конец**

Не думай о нашем страданье – всему наступит
конец.

В груди удержи рыданья – слезам наступит конец.

Придёт пора увяданья – цветам наступит конец.

В душе не храни ожиданья – душе наступит конец.

Мне чашу подай, виночерпий, – всему наступит
конец.

Нас гложут могильные черви – всему наступит
конец.

Возлюбленная прекрасна – она истлеет в земле,

Рот её нежно-красный – и он истлеет в земле,

Локон на шее страстной – тоже истлеет в земле.

И раз её образ ясный должен истлеть в земле,

Мне чашу подай, виночерпий, – всему наступит
конец.

Нас гложут могильные черви – всему наступит
конец.

Умрёт властелин вселенной, – что выживет он, не
верь.

И царство его погибнет. Во власть и закон не верь.
Всё в мире непостоянно. Что мудр Соломон – не
верь.

Вращению мирозданья, если умён, не верь.
Мне чашу подай, виночерпий, – всему наступит
конец.

Нас гложут могильные черви – всему наступит
конец.

И если за годом годы сто веков расцветёт,
И если, шумя листвою, сто садов расцветёт,
И если сто гиацинтов, сто цветов расцветёт,
То разве душа от лживых, от жалких слов расцве-
тёт?

Нет! Чашу налей, виночерпий, – всему наступит
конец.

Нас гложут могильные черви – всему наступит
конец.

Разлука сжигает душу, печалью меня тесня.
Я выпил бокал страданья, он в горе подлил огня.

Никто мне руки не подал, не поддержал меня,
Пока ещё есть возможность, радуйся свету дня...
И чашу налей, виночерпий, – всему наступит конец.

Нас гложут могильные черви – всему наступит
конец.

Если подумать о жизни – горем она полна.

Ведь одному бриллианту тысячи душ цена!

Как в зеркале, в каждой грани подлость отражена.

Клянчить себе подачек наша земля должна.

Мне чашу подай, виночерпий, – всему наступит
конец.

Нас гложут могильные черви – всему наступит
конец.

Цену пустому миру знал Видади больной.

Мир о пощаде просит, словно набат ночной!

Страх и смятение вижу я в суете земной,

Жизнь коротка, не будет жизни ещё одной.

Мне чашу налей, виночерпий, – всему наступит
конец.

Нас гложут могильные черви – всему наступит
конец.

Перевод Константина Симонова